

Сетевая среда религиозных исканий

Михаил Черныш*

Интернет предоставляет различные возможности для духовных исканий и религиозного потребления, что обуславливает возникновение новых форм религиозности в современном обществе. В эссе рассматриваются три кейса сообществ в онлайн-пространстве: «Анастасия», «Братство фиолетового пламени» и «Радастея».

Ключевые слова: социология религии, религиозные практики, new age, онлайн-сообщество

Общие подходы

В традициях социологии рассматривать религию как способ социальной интеграции. В «Элементарных формах религиозной жизни» Эмиль Дюркгейм предлагал рассматривать религиозные культы как способы опредмечивания социальности. Примитивные общества объединялись вокруг тотема для того, чтобы, трансформируя социальное принуждение, облечь власть социального факта в понятные формы. В обрядах, совершаемых по поводу тотемической веры, таилось не только признание внешней по отношению к индивиду власти социального, но и желание открыть для себя потаенную реальность общества, вступить с ней в определенные отношения. Акт единения с божественной силой становился возможным в результате экстатического слияния, которое Дюркгейм называл «вскипанием». Для достижения экстатического состояния необходимы специальные обряды, совместные бдения, медитативные практики, которые позволяют индивиду выйти из оболочки индивидуального, войти в резонанс с коллективными переживаниями веры. В примитивных обществах, ставших предметом изучения в работах Дюркгейма, коллективность в религиозных отправлениях была естественным продолжением иных коллективных практик — семейных, трудовых, военных. В современном обществе коллективность религиозной жизни обеспечивается существованием развитых социальных институтов — церквей, общин, устойчивых религиозных образований. С одной стороны, социальный институт, каковым является любая организация религиозного характера, обладает широкими возможностями социальной мобилизации. С другой — в ней все чаще возникает необходимость учитывать индивидуальный религиозный опыт, направлять религиозные искания индивида, который большую часть времени находится вне общины.

Рационализация, «расколдование» мира, по Веберу, стало одной из причин ослабления традиционных религиозных институтов. Рациональный взгляд на мир предполагает, прежде всего, его описание в категориях целей и средств их достижения. Его корни находятся в протестантской убежденности в том, что каждый человек может выстраивать свои отношения с высшей силой без посредников. Современный человек, в отличие от человека традиционного, полагает, что ему не обязательно входить в общину

---

* Черныш Михаил, доктор социологических наук, зав. сектором ИС РАН, зав. кафедрой ГАУГН.

или институт для того, чтобы вступить в отношения с Богом. Он оправдан верой и может выстроить индивидуальный диалог с высшими силами в обход действующих, мобилизующих социальных институтов. Мир становится «расколдованным» потому, что познается наукой, представляется взаимосвязью комплексных причин и следствий, имеющих естественное происхождение. Однако рационализация лишь сдвигает границу между познанными и непознанными аспектами бытия. За границами того, что объяснено научным исследованием, находится бесконечное пространство скрытых от человеческого глаза влияний, некоторые из которых, по утверждениям самой науки, не подчиняются законам взаимодействия причины и следствия. Вебер, констатируя кризис традиционных религиозных институтов, подчеркивал, что, как бы далеко не продвинулось знание, иррациональное переживание по поводу непознанного останется, хотя и примет новые, отличные от прежних формы.

Религиозность сохранится еще и потому, что социальный мир не может быть целостно объяснен социальными науками. Индивидуализация рефлексии, свойственная современному человеку, привела его к «последним пределам» — признанию экзистенции — бытия, не имеющего оправдания или смысла, пронизанного абсурдом. Экзистенциализм стал, помимо всего прочего, одним из духовных следствий двух мировых войн, приведших к невыносимым человеческим потерям. Война, как ни одно другое социальное явление, усилило понимание того, что рационализация так и не стала в мире современного человека синонимом его гуманизации. Рационально избираемые средства оказались формой реализации психоконструктов доминирования, несдерживаемой этикой стремления к власти и подчинения себе подобных. Подводя итоги Второй мировой войны, Хайдеггер сделал вывод о том, что приверженность рациональному и отношение к иррациональному как мнимой реальности приводит общество к трагическим последствиям (Хайдеггер, 1993). Техника открывает потаенную, сокрытую часть сущности, став конечной целью политики, завершается утратой этических ориентиров и одной из причин нечувствительности к ценности жизни. Всякий гуманизм, подчеркивает Хайдеггер, произрастает на почве метафизики, а иногда сам становится ее почвой. Отодвинутая граница религиозности не стала полным ее отрицанием, но обрела новые формы, соответствующие новой эпохе.

Для того, чтобы понять, в чем религиозность постсовременности отличается от религиозности предыдущей эпохи, необходимо определить тот социальный контекст, в котором она развивается. Современные технологии изменяют состояние социального мира. В нем непрерывно изменяется ландшафт, возникают и распадаются социальные сети. Сетевой способ организации жизни затрагивает почти все без исключения социальные институты. Важное свойство современных социальных сетей заключено в непространственном характере: сети организуются вне физического пространства и помимо социальных характеристик, упорядочивающих пространство социальное. Не менее важной характеристикой постсовременности становится ее непрерывная игра со старыми культурными образцами: они изымаются из прежних контекстов и вовлекаются в контексты, не имеющие определенных моральных ориентаций. Все то, что когда-то было оправданием, становится обвинительной аргументацией, и, напротив, аргументы обвинения с легкостью преобразуются в язык оправдания. Новые средства массовой коммуникации заняты производством избыточных смыслов, которые выходят за границы допустимых формул, связанных с социальной позицией (Laclau, 1991). Современный мир текуч, но помимо этого он еще и поверхностен в том смысле, в котором могут быть поверхностны продукты рефлексии, не имеющие опоры в реальном мире.

Практики повседневности в современном мире все больше сводятся к потреблению. Потребительство, предполагающее максимальное сближение желания и его объекта, проникает даже в те сферы, которые ранее были от него свободны. Вполне законным становится развитие коммерциализации тех сфер жизни, в которых ранее господство-

вала этика служения. Речь идет об образовании, медицине, в значительной степени об искусстве. Не обошел стороной процесс коммерциализации и область духовной самореализации. Если в сознании индивида присутствует стремление получить религиозный опыт, то рынок заполняет эту нишу услугами, разнообразными в той мере, в которой сами эти желания варьируются в населении.

Современное общество и религиозные искания

Характерные черты современных обществ предопределили разнообразие доступных вариантов религиозного опыта. Новые культы, секты, движения не в состоянии вытеснить традиционные институты, но они могут находиться поблизости от них, определяясь либо как возвращение к старым ценностям, либо, напротив, как прорыв в будущее над уже имеющейся традиционной религиозной базой. Яркой иллюстрацией сказанному могут служить религиозные искания в формате «New Age». Попытки четко определить, что такое New Age, в чем состоит суть этих религиозных учений, вряд станут успешными. Во-первых, невозможно однозначно сказать, во что, в какого именно Бога верят адепты этого движения. Нет одной трактовки, одного канона, одной священной книги, на которую опирались бы религиозные группы, исповедующие это направление. Набор верований, который предлагает New Age, несет в себе фрагменты самых разных религиозных культов. В нем представлены мифы древних шумеров, фрагменты христианства, буддизма, кришнаизма, ислама и иудаизма. Эклектика New Age упорядочивается якобы ценностными универсалиями, свойственными всем религиям мира. Все религии, полагают адепты New Age, говорят примерно об одном и том же, но разными словами. Необходимо преодолеть то, что в них есть архаичного, локального, для того, чтобы познать истинную суть вселенской метафизики. Во-вторых, New Age активно эксплуатирует сетевые особенности современного мира. Сети используются для агитации, вовлечения новых членов, распространения пропагандистской литературы, обмена религиозным опытом, обсуждения важных теологических вопросов, организации совместных мероприятий. Было бы неправильно предполагать, что без электронных сетей New Age стал бы совершенно невозможен, однако то, что именно сети усиливают его позиции, не подлежит сомнению. В-третьих, New Age характерен для постсовременного мира тем, что опирается на его способность к рождению поверхностных, мимолетных связей. Притом, что в реальном времени New Age находится в оппозиции к традиционным, «однобоким» религиозным институтам, в перспективе вполне допустимо рассматривать это направление как одну из ступеней религиозного опыта, ведущего, в конечном итоге, к традиционной вере.

К настоящему времени сделано несколько попыток определить характерные черты движения New Age. Одно из них, уже почти классическое, принадлежит американскому исследователю У. Мартину (Martin, 1989). Религиозная община ставит водораздел между так называемым «старым» и «новым» временем. Новая эпоха объявляется либо вошедшей в свои права, либо ожидаемой в ближайшее время. Новая эпоха характеризуется как период разрыва с традиционными религиозными культурами, обретения людьми новых качеств, расставания со старыми идеалами, восхождения к любви и взаимопониманию на новом уровне духовности.

1. В религиозной общине образуется ядро «посвященных», выступающих ретрансляторами воли высших сил. Руководство общиной берет на себя «учитель», объявляемый носителем сакрального знания. «Учитель» проповедует собственную доктрину, обретенную им в результате откровения. Как правило, доктрина представляет собой эклектическую мешанину из идей и категорий, содержащихся в традиционных религиозных учениях. Наиболее популярны в среде New Age заимствования из индуизма или буддизма — карма, реинкарнация, преобразование, просветление, медитация.

2. В общинах New Age популярны разного рода оккультные практики, включая разные формы магии, экстрасенсорики, аутосуггестии, астрологии, нумерологии. Адептов культов New Age не смущает то, что они взяты из разных традиций, разных культур и слабо между собой совместимы. В постмодернистской практике New Age уживаются любые идеи — от идеи избранничества до поиска состояния «силы», которая дается тем, кто придерживается «правильных» взглядов.
3. В общинах New Age адепты призваны говорить на собственном языке. Они открывают «чакры», ищут «космическое сознание», идут за «аватарами», активизируют «энергию Кундалини», слывят борцами за древние основы веры своего народа, преследуют цели раскрытия истинных своих способностей.

К этому необходимо добавить экономический аспект. От адептов веры требуется выделять часть материальных ресурсов, находящихся в их собственности, на нужды общины. В общине прокламируется принцип равенства, но касается он, как правило, рядовых членов. «Учитель» или «учителя» находятся в особой категории, которая, как правило, пользуется широким набором привилегий. В некоторых случаях экономические претензии общин заходят столь далеко, что становятся предметом уголовных расследований. Известно, в частности, что преследованиям за вымогательство подверглась в США секта сциентистов. В США она под запретом, но в России продолжает беспрепятственно функционировать и рекрутировать новых адептов в свои ряды. Для большинства других сект характерны менее криминальные формы зарабатывания денег. Обычной стала практика продажи книг, написанных «учителями», паломничеств, осуществляемых через специальные туристические бюро, продажа амулетов, одежды или других атрибутов культа. Все общины New Age, хотя и в разной степени, представляют собой бизнес-проекты, стремящиеся к зарабатыванию денег. Крайне редко подобная деятельность осуществляется легально, а бюджеты общины прозрачны и доступны для проверяющих организаций. В большинстве случаев общины находятся в «серой» зоне, где какая-то часть бюджета зарабатывается легально, а другая, более весомая, мобилизуется посредством нелегальных операций.

Интернет и новые религиозные движения

Движения New Age появились задолго до появления Интернета, но именно Интернет в немалой степени стал для них важнейшей средой обитания. Через Интернет реализуются проекты продвижения культа, проводится рекрутмент новых членов, осуществляется коммерческая деятельность. Благодаря Интернету, свободам, которые он предоставляет, деятельность многих движений New Age еще больше сдвинулась в сторону коммерции. В некоторых случаях New Age проекты стали неотличимы от коммерческих, в которых основная цель состоит в получении прибыли, а весь антураж религиозности и духовности служит способом продвижения некоторой группы товаров и услуг. Рассмотрим более подробно три российских кейса, в которых воплотились типичные черты, свойственные новым формам религиозности.

Кейс 1: «Анастасия». «Магазин конечных истин»

Сайт движения находится по адресу: www.anastasia.ru, в Интернете оно представлено как фонд, что должно сразу же указывать на практические аспекты его деятельности. Название «Анастасия» выбрано для движения не случайно. Так звали одну из дочерей Николая Второго, которая, по легенде, выжила после расстрела в подвале Ипатьевского монастыря, а затем приняла другое имя и жила инкогнито, не раскрывая никому тайны своего происхождения. Вдохновителем и учителем движения является некто Владимир Мегре. Имя, разумеется, выдуманное, отсылающее к образу комиссара Мегре, придуманного французским писателем Ж. Сименоном. Таким образом, изначально на уровне именования задается эклектика смыслов в постмодернистском духе: таинственная

принцесса Анастасия и комиссар Мегре сходятся вместе, рождая синкретический образ красоты, таинственности, мудрости, поиска истины.

Мифологическая часть проекта представлена в книгах «гуру», посвященных его размышлениям о судьбах и смысле подлинной русской жизни. Книги представлены на том же сайте и могут быть приобретены в электронном формате по цене 180 руб. за одно скачивание. В них повествуется о встречах автора с таинственной Анастасией, обитающей в сибирской тайге, о просветлении, которое она несет всем тем, кто пожелает приобщиться к ее истинам. Образ прекрасной женщины, олицетворяющей собой истину, имеет такую же систему смысловых гиперссылок, как и упомянутые выше именованные. В нем присутствует неявный намек на философские рефлексии Владимира Соловьева, его собственный религиозный опыт визионерства. Видения Святой Софии, Прекрасной дамы, идеальной женщины, воплощающих в себе мудрость и внутреннюю силу прозрения, вдохновляли поэтов и философов «Серебряного века». Привычность, «нишевая» соотнесенность образа безусловно повлияли на то, что именно он стал объектом культа, великой Принцессой, вдохновляющей ее паству. На этом образе вдохновляющая часть доктрины Мегре не заканчивается. Центральный образ Женщины, Жены, Богини должен вдохновить посетителей сайта искать новые смыслы в жизни. В практическом смысле верующим в Анастасию предлагается устремиться к созданию «родовых поместий». Возрождение родов, многодетности, поместий, соединение с природой — таким видится истинный смысл жизни Владимиром Мегре и его соратниками. Наличие общей практической цели позволяет сделать более точным ее политический смысл. Основателем Фонда учреждена политическая партия, ключевой идеей которой должно стать создание родовых поместий. «Родовым помещьем» должны стать дома и угодья, расположенные в сельской местности или малых городах. Таким образом, политико-экономический пафос программы Фонда заключается в том, чтобы призвать в большинстве своем городское население под «звенящие кедры», в лоно природы, где оно будет способно обрести первичные, истинные основы бытия.

Но возрождение родовых поместий — это не только поиск подходящего ландшафта в сельской местности. Фонд выступает в качестве соорганизатора подобных поселений, которые в дальнейшем должны стать его религиозной базой. Мобилизационные цели ставят перед собой и фестивали, которые проводят организаторы Фонда. В этих мероприятиях участвуют адепты из «родовых поместий» и все те, кто склонен к тому, чтобы размышлять на тему участия в подобном движении.

Коммерческая составляющая присутствует в самых разных формах во всех направлениях деятельности Фонда. На основном сайте представлена реклама «йоги для офисных работников», поощряемая Фондом. Таким образом, йога, духовная практика индийского направления, не противоречит идеям Фонда, а даже, напротив, используется им для сближения с «офисными работниками». Привлекательность Фонда стимулируется присутствием на его сайте странички знакомств: единомышленникам предлагается поискать среди сторонников идеи свою половину. В магазине, открытом на сайте, представлены не только труды В. Мегре, но и другие направления коммерческой деятельности Фонда — распространяются газеты, продаются журналы и, том числе, на английском языке, а также так называемая продукция «осознанности» — натуральные дары природы, отвечающие критериям экологической чистоты.

Есть на сайте и духовные притчи, которые помогают понять суть новой веры. Анастасия разоблачает некоторые практики, свойственные современному человеку, — потребительство, погоню за деньгами, рабство, которое часто выдается за свободу.

Движение «Анастасия» относится к мягкому варианту New Age, но при этом соответствует всем критериям эклектичной религиозности нового века. В нем предлагается идеология, суть которой составляет возвращение к родовым истокам. Речь идет, разумеется, не о действительном возвращении — многие семьи, живущие в России, не знают истоков своих родов, то есть не имеют точки, к которой они должны были бы

вернуться. В идею возвращения вкладывается ницшеанский оборот личностной истории, приводящий человек к первоначальной истории, с которой началась его эволюция. Исток, родовые поселения — это всего лишь фьюжн многочисленных идей возрождения, экологизма, русскости в ее исконном, деревенском понимании. Подобная идея, полагает основатель движения, может быть привлекательной для городского жителя, уставшего от шумной, светливой жизни мегаполиса. Русское поместье, родовое гнездо — эти понятия должны вернуть городского человека к руссоистскому идеалу простой жизни, но, в большинстве случаев, это будет происходить в мечтах, в размышлениях о том, что существует другой, более чистый (вспомним дюркгейманское противопоставление «чистый — нечистый») мир, в котором «звенят кедры», продукты несут в себе энергию природы, а женщины становятся «богинями». Мечтательным адептам нового культа предлагается поддерживать веру в жизненную альтернативу с помощью посильных вложений в благополучие Фонда, участие в различных его проектах, поддержку его поселенческих практик. Коммерческая составляющая представляется необходимой, но ненавязчивой платой за то, что адепт-анастасиец получает, в отличие от рядового горожанина, альтернативу в форме истинной жизни, опровергающей жизнь ложную.

Проект «Анастасия» вряд ли смог бы претендовать на популярность, если бы не Интернет и возможности, которые он открывает. Интернет позволяет переживать мечты об альтернативном бытии как со-бытие. Со-бытие становится событием, его реальность замещает или, точнее, подменяет реальность альтернативы, которую он предлагает. Важным ресурсом интернет-проекта является визуальный ряд. Видеи русских лесов и лугов, далеких селений, лидера в косovorотке убеждают в правильности предлагаемых идей даже больше, чем предлагаемые тексты. Короткие перемещения по сайту важнее текстуальной составляющей новой «экологической» религии, они — свидетельство комплексности и масштабности проекта, его укорененности в основах российской жизни.

Кейс 2: «Братство фиолетового пламени»: зарубежные пророки

Сеть и предлагаемые ею возможности существенно расширили возможности религиозных движений пересекать границы государств, расширяя круг своих сторонников. Глобализация маргинальных религиозных течений стала одним из следствий коммуникационной технологической революции. Одним из подобных течений стало «Братство фиолетового пламени» — американская секта New Age, присутствующая в настоящее время почти в 60 странах. Российское представительство организации держит специальные сайты, «окормляющие» адептов и вербующие новых сторонников. Возможности сети Интернет используются движением напрямую, для того, чтобы вести пропаганду в регионах России. Примером того, как это делается, может служить костромской сайт организации (http://kosplamysvobodni.ucoz.org/index/adresa_drugikh_grupp/0-28). На главной его странице представлены основные пункты учения: тезисы мастера и его пророков — четы с говорящей фамилией Профет. Как и в других подобных случаях, доктрина «учителей» представляет собой смешение элементов разных религиозных культов — индийских и христианских. Сама фамилия Профет (пророк) немедленно отсылает возможного читателя к ветхозаветной истории, книге Пророков — текстам, святость которых непререкаема для многих читателей, воспитанных в христианской традиции. В описании доктрины и практики интегрированы многие элементы кришнаитского и буддистского вероучений — ашрамы, медитации, идея просветления. Постмодернистский характер учения открывается в его всеядности, желании связать в одно целое то, что никогда ранее не связывалось — буддизм и христианство, подвижность современности и устойчивость традиционных религиозных доктрин. Мимикрия культа открывается в апелляции к принятии устойчивых религиозных практик, отсылающих к традиционным вероучениям: на сайте есть ссылка на другой сайт, ориентированный на родителей, где посетителей поздравляют с Рождеством Христовым.

Помимо объяснения доктрины сайт содержит жизнеописания основателей культа, а также приглашения принять участие в религиозных практиках — молитвах, обсуждениях на форумах. Желая стать членом церкви должен пройти обряд посвящения, а также — вполне ожидаемо — выплачивать регулярные взносы на «издание книг, пропаганду учения». Организация позиционирует себя как «автономная, некоммерческая», однако на сайте присутствует навязчивое приглашение сыграть в покер, «получив 8 долларов в подарок».

Сетевая деятельность обеспечивает религиозным культам значительные преимущества. Во-первых, они получают возможность быстрого, минуя границы, административные преграды или сопротивление традиционных церквей, обращения к наиболее питательной для себя социальной среде — маргинализованной части населения, находящегося в состоянии аномии. В обществах, идущих по пути реформ от социализма к рыночным формам межличностных взаимодействий, группа «маргиналов» существенно прирастает за счет образованной части населения. «Маргиналы», утратившие прежние устойчивые социальные позиции, ощущают себя игрушкой в руках могущественных сил, находящихся за пределами их контроля. Гонимые «ветром перемен», они часто выбирают компенсаторную объяснительную стратегию, согласно которой все происходящее в их жизни следует рассматривать как проявление высшей воли. При этом «маргиналы», как правило, чем дальше, тем больше, располагают личными ресурсами и материальными возможностями доступа в сетевую среду. Новые религиозные течения активно капитализируют религиозную доксу, характерную для данной социальной группы, — поверхностное знакомство с различными религиозными культами. Симптоматично, что смыслы и дискурсы новых религиозных течений могут капитализировать не только эту часть культурной рефлексии целевой группы, но и ее «сциентистский» габитус. Примером наукообразного сетевого культа стало движение «Радастея».

Кейс 3: «Радастея»

Разочарованному социальному «маргиналу», имеющему техническое образование, культ «Радастеи» может оказаться ближе других. Если в упомянутых выше сектах доктрина конструируется из элементов, заимствуемых из других культов, из именовании, укорененных в культуре и знакомых значительной части населения уже с детства (Мегре, Анастасия), то «Радастея» идет по иному пути, она капитализирует естественнонаучный, технический компонент сознания целевой группы. По облику и структуре сайт движения (<http://www.irlm.ru>) подобен сайтам, представляющим высшие учебные заведения. Название говорит о той же самой ориентации — Институт ритмологии Евдокии Лучезарной (Марченко). Взяв псевдоним «Лучезарная», хозяйка Института и по совместительству вождь движения несколько погрешила против «сциентизма», о котором в каждой своей точке свидетельствует сайт. Однако завышенная претензия «искупляется» претензией на изобретения особого «метода», посредством которого становится возможным достигнуть более высокого состояния сознания, постигнуть, наконец, секрет счастливой жизни.

В главном меню посетитель находит знакомые комбинации понятий: об Институте, обучение, сопровождение, пресс-центр, контакты. О том, что посетителя ждет соприкосновение с подлинно научным методом, говорят разделы сайта — развитие персонала, вебинары, центры учебы и отдыха, выдача дипломов выпускникам. На сайте есть ссылки на радио и «телевидение» движения, а также на «научные» статьи основателя движения, посвященные главной теме ее открытия — времени. Если судить по сайту, движение реализует «научно-просветительские», «творческие» и «социальные проекты», а также приглашает в период зимних каникул заняться самосовершенствованием и поиском гармонии. Торжественно объявляется, что программа движения под названием «Красота переизлучения» стартует сразу в нескольких городах России. Ее целью является «создание знакового пространства», сконструировав которое участник движения

обретет понимание того, «что с ним происходит», и научится «конструировать события». Невзначай объявлено, что в образовательных программах «Института» принимают участие в том числе и жители Нью-Йорка. Движение активно использует социальные сети — Facebook, Vkontakte, где, по утверждению сайта, численность подписавшихся составляет 36 тыс. человек.

«Институт» предлагает каждому желающему «ритмомеры», которые способны помочь в преодолении любых проблем, рождаемых средой большого города, — страха, одиночества, отчуждения от близких людей, проблем на работе. Выясняется, что «ритмомеры» — это специальные семинары, которые дают «выход за оболочку проблемы, позволяя взглянуть на нее со стороны». При ближайшем изучении оказывается, что семинары стоят недешево, за один семинар участнику придется заплатить 8000 руб. Коммерческий аспект сциентистского культа представлен не только «ритмомерами», но и координатными программами, «часами», а также «живой книгой» основательницы движения Евдокии Марченко.

Нетрудно видеть, что в практиках Института широко используются общеизвестные методы нейро-лингвистического программирования. Однако сказать об этом означало бы лишить предлагаемый метод уникальности, избавить его от претензии на проникновение за видимую завесу бытия. Новизна метода, его универсальность становится для посетителя той интригой, которая может вовлечь его или ее в движение, заставить заплатить за неведомые «ритмомеры», способные облегчить его или ее состояние. Как и Анастасийский культ, «ритмологический» институт оказывается на деле коммерческим предприятием, продающим известным практикующим психологам методы в обертке уникального открытия.

Общие выводы

Обстоятельства жизни современного человека в большом городе создали питательную среду для возникновения разнообразных религиозных и псевдорелигиозных культов, сократили дистанцию между вождями религиозных движений и возможной паствой, вооружили данные движения современными средствами мобилизации. В быстро меняющемся обществе жители больших городов часто оказываются в маргинальной позиции. Подвижность социальной структуры побудила социологов ввести в оборот новый термин «прекариат», обозначающий социальную группу с неустойчивой, постоянно трансформирующейся социальной позицией (Standing, 2011). Неустойчивыми для нее оказываются все ниши социальной жизни — семья, профессия, круг друзей, здоровье, ценности. Проблемой для многих становится помимо всего прочего материалистический характер большинства интеракций между людьми. По утверждению Бергера, в подобной ситуации важнейшими источниками неуверенности становится неясность предусловий коммуникации, ее целей и планов. Одиночество, страхи, невозможность справляться с проблемами, которые порождаются изменчивым обществом, заставляют индивидов искать общие основания, цели и планы, общий язык, на котором они могли бы говорить с другими людьми, сталкивающимися с аналогичными проблемами (Berger, 1995). Традиционные религии выстроены как иерархии: городские приходы редко формируют живые сообщества, объединенные не только верой или религиозными практиками, но и общим делом вне церкви. Важно и то, что традиционные религии консервативны, скептически относятся к возможностям сетевых коммуникаций, воспринимают их часто как зло, отваживая прихожан от активного участия в сетевых интеракциях. В результате сетевой средой активно овладевают маргинальные религиозные движения и группы, ищущие и находящие в Интернете, сетевой среде возможности продвижения своих идей, а также источники доходов, позволяющих им расширять масштабы своей деятельности. Доктрины подобных движений легко возникают как результат постмодернистского конструирования, «склеивания» элементов традиционных культов или же капитализации «сциентистских» ожиданий целевых групп.

Сетевая среда позволяет им легко преодолевать границы государств, регионов, находить новые ниши там, где их раньше не было. Современные сетевые коммуникации создают предпосылки для, с одной стороны, глобализации религиозных течений, а с другой — для их локализации, «общинизации» на местном уровне. В развитие идей Дюркгейма можно утверждать, что религия не сводится только к трансценденции, она является, помимо всего прочего, источником социальной солидарности, способом осознания реальности общества. Общество становится реальным в двояком смысле. Во-первых, его реальность становится очевидной по мере того, как осознается тот факт, что проблемы, с которыми сталкивается индивид, не являются уникальными, что подобные состояния переживают многие другие люди, которые готовы делиться своим положительным или отрицательным опытом. Во-вторых, общество обретает реальные очертания в микроформате — в религиозной общине, преодолевающей отчуждение, вовлекающей прихожан в общие проекты. Одно из преимуществ сект, противостоящих традиционной церкви, заключается в их способности превращать виртуальные сообщества в реальные сообщества единомышленников. Дистанция между сетевым общением и живым общением в этом контексте гораздо короче, чем в традиционных культурах. Это позволяет им быстрее и точнее реагировать на проблемы своих адептов.

Интернет представляет широкие возможности для капитализации неуверенности, неукорененности современного человека. В сетевой среде предприимчивые «гуру» и «аватары» легко находят тех, кто готов заплатить для того, чтобы обрести наставления о том, как найти счастье, спокойствие, просветление. Есть несколько причин, которые явным образом способствуют подобной маркетинговой деятельности. Во-первых, коммерческая деятельность в Интернете регулируется слабее, чем в обычной, не виртуальной жизни. Творцы новых культов всегда имеют возможность уклониться от налогов или существенно их уменьшить, объявив свою деятельность некоммерческой, благотворительной. Связь между реальными общинами, создаваемыми новыми культурами, и пропагандой в Интернете не всегда очевидна и может быть легко опровергнута в случае, если правоохранительные органы все-таки всерьез займутся деятельностью религиозных предпринимателей. Во-вторых, в немалой степени распространению новых культов способствует внепространственный характер сети, ее интернациональная суть: любое движение, рожденное за рубежом, может с легкостью пересечь границу, оставаясь в юрисдикции того государства, в котором оно возникло. Таким образом, для того, чтобы обрести законные основания для деятельности, достаточно закрепиться в одном из государств и оттуда начать рассылку пропагандистских материалов. В-третьих, рождению новых культов помогает один из ключевых парадоксов современности: с одной стороны, общество становится более архаичным, проект просвещения ослабевает, все более инструментальный характер образования побуждает к поиску смыслов за пределами рациональной сферы; с другой стороны, доступными для широких масс становятся и уже стали самые современные средства коммуникации — мобильная связь, Интернет, мгновенный обмен сообщениями и записями, мгновенная передача визуальных материалов из одной точки пространства в другую. Носители архаичного сознания ищут и находят единомышленников в сети, образуют общины, выдвигают из своих рядов лидеров, готовых осуществлять духовное водительство. Остается всего лишь шаг для того, чтобы превратить виртуальное сообщество в реальное. В-четвертых, Интернет, как это ни парадоксально, зачастую оказывается более стабильной коммуникационной средой, чем живое, диалогичное общение в городской среде. Современный горожанин погружен в среду непрерывных общений, но в большинстве случаев это — универсалистские, специфические взаимодействия делового характера. Остались в прошлом интеллигентские «кухни», где велись длинные разговоры о самом сокровенном, а предметом обсуждения были убеждения и верования. Большинство городских жителей с трудом выкраивает время для общения, но при этом современные технологии позволяют входить в состояние коммуникации там, где это удобно и возможно. В результате всепроникающие,

неисчезающие сети становятся постоянным спутником современного человека, события реальной жизни лишь фоном и поводом для виртуального общения. Чем более неустойчивой будет жизнь вне среды, чем больше проблем будет в ней для рядового горожанина, тем выше вероятность того, что именно в виртуальном пространстве он будет искать утешения в компенсаторных духовных практиках. Современность переходных обществ создает благоприятные условия для расширения ассортимента в религиозных «супермаркетах».

Литература

- Хайдеггер М. Время и бытие. М.: Республика, 1993. С. 221–238.
- Laclau E. The Impossibility of Society//Canadian Journal of Political and Social Theory. Vol. 15. № 1–3. 1991 P. 24–27.
- Martin W. The New Age Cults. N.-Y.: Bethany House, 1989.
- Standing G. The Precariat: The New Dangerous Class. L.: Bloomsbury Academic, 2011.
- Berger C. The Incrutable Goals, Uncertain Plans, and The Production of Communicative Action// Communication and Social Influence Processes/ed. by C. Berger, M. Burgoon. East Lansing: Michigan State University Press, 1995.